

Василий Аксенов

**Высоко там в горах,
где растут рододендроны, где
играют патефоны и улыбки...**

*Часть сборника
Логово Льва. Забытые рассказы*

Василий Аксенов

**Высоко там в горах, где растут
рододендроны, где играют
патефоны и улыбки на устах**

«АСТ»

1967

Аксенов В. П.

Высоко там в горах, где растут рододендроны, где играют патефоны
и улыбки на устах / В. П. Аксенов — «АСТ», 1967

«Таков русский человек. Стоит ему вырваться из привычного круга, как он тут же начинает по этому кругу тосковать и на любого «своего» человека набрасывается со словоизлияниями, с душой открытой, отзывчивой, трепетной. Особенно это обостряется на чужбине...»

Содержание

Случайных совпадений не бывает	5
Высоко там в горах, где растут рододендроны, где играют патефоны и улыбки на устах	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Василий Павлович Аксенов

Высоко там в горах, где растут рододендроны, где играют патефоны и улыбки на устах

*Издательство благодарит за помощь сотрудников архива
«Литературной газеты»*

Случайных совпадений не бывает

Свидетельствую: зрелый Аксенов, свирепо именовавший даже своих знаменитых «Коллег» (1960) и «Звездный билет» (1962) «детским садом», очень не любил, когда ему напоминали о его *первой* публикации 1958 года, сильно кривился, имея на это полное право, но отнюдь не обязанность.

Потому что без этих ранних, наивных «Асфальтовых дорог» и «Дорогой Веры Ивановны» знаменитый Василий Аксенов, из джинсового пиджака которого, как из гоголевской «Шинели», вышла вся новая русская проза, – далеко «не полный».

Нужно было звериное писательское чутье тогдашнего редактора суперпопулярного журнала «Юность» Валентина Катаева, чтобы разглядеть в экзерсисах безвестного выпускника Ленинградского мединститута нечто стоящее, неуловимо отличающееся от расхожей «оттепельной» комсомольско-молодежной лабуды про парткомычей «с человеческим лицом» и честных советских ребят, которые верны «заветам отцов», хоть и любят американский джаз. Говорили, что мэтра восхитила фраза молодого автора «стоячая вода канала похожа на запыленную крышку рояля». Такого он давненько не слышал и не читал. Здесь же и «пепельница, утыканная окурками, похожая на взбесившегося ежа», и «темные углы военкомата», и «официант с каменным лицом жонглера».

Раннего Катаева, будущего Героя Социалистического Труда, награжденного двумя орденами Ленина, углядел автор «Окающих дней» Иван Бунин, будущего «отщепенца и антисоветчика» Аксенова – Катаев. Круг замкнулся. Всем всё зачтется.

Первые рассказы этого сборника – наглядная иллюстрация того, как «Вася из Казани», обладающий природным даром и горькими знаниями о жизни, на какое-то время *пытался заставить* себя поверить в искренность заведомых коммунистических лжецов, утверждавших, что к прошлому нет возврата. Он, сын репрессированных родителей, получивших нечеловеческие сроки советских лагерей, *пытался честно* вписаться в систему, но быстро понял, что это, увы, невозможно. И, самое главное, не нужно, *неправильно*. Что с этими красными чертами нельзя, не получится договориться *по-хорошему*. И нужно для начала удалиться от них в другие, недоступные им сферы. Ну, например, туда, «где растут рододендроны, где играют патефоны и улыбки на устах». Или на теплоход, идущий под радиомузыку из «Оперы нищих» по сонной северной реке. Там чудеса, там героические летчики в «длинных синих трусах» неловко прыгают в воду, плавают не стильно, а «по-собачьи», глупо острят, но все же обладают неким таинственным знанием о законах «катапульты», которое пока что недоступно двум спортивным столичным пижонам...

А эти пижоны станут лет эдак через десять отчаявшимися, спившимися героями аксеновского шедевра, первого его свободного от власти и цензуры романа «Ожог», который он начал писать в стол сразу же после «чехословацких событий» 1968 года. «Перемена образа

жизни» аукнется в «Острове Крыме». Рассказ «О похожести» – в «Новом сладостном стиле» и «Кесаревом свечении». Аргентинский скотопромышленник Сиракузерс обернется персонажем народного гиньоля под названием «Затоваренная бочкотара».

Процесс пошел, процесс идет. Случайных совпадений в жизни не бывает. 20 августа 1937 года, ровно в тот день, когда ему исполнилось пять лет, Василий Аксенов, будущий кумир многих поколений российских читателей был свезен в дом для детей «врагов народа». Всхлипывая, он впервые заснул на казенной кровати, прижав к мокрой щеке любимую игрушку, тряпичного *львенка*. Эта книга называется «Логово льва».

Евгений Попов Июнь 2009

Высоко там в горах, где растут рододендроны, где играют патефоны и улыбки на устах

Ушаков и Ожегов встретились в аэропорту Минеральные Воды совершенно случайно. Ушаков прилетел из Ленинграда, куда его нелегкая занесла в первые дни отпуска и откуда он едва-едва выбрался с сильно облегченным кошельком. Ожегов же жестоко просчитался в Пятигорске, он ждал одну жестокую гражданку, предмет своих желаний жовиальных, и не дождавшись, он ожесточился по направлению к Сочи.

В это время шли первые дни апреля, и молодые люди обнялись.

Оба они работали в редакции солидного словаря, который составлялся уже седьмой год, давая пропитание и моральное удовлетворение целому батальону сотрудников. Они сотрудничали в соседних кабинетах и часто вместе играли в пинг-понг во время обеденных перерывов, порой необъяснимо долгих. Кроме того, они встречались в том или ином клубе того или иного творческого союза, похлопывали друг друга по крепкому плечу, слегка амикошонствовали, но никогда не сближались, никогда не беседовали интимно, тем более никогда не обнимались.

Таков русский человек. Стоит ему вырваться из привычного круга, как он тут же начинает по этому кругу тосковать и на любого «своего» человека набрасывается со словоизлияниями, с душой открытой, отзывчивой, трепетной. Особенно это обостряется на чужбине. Помню, в одном славянско-немецком городке в глуши Центральной Европы я встретил человека из Москвы, весьма мало мне знакомого, да и не очень приятного, попросту отвратительного, гадкого. Ну, мы и обнялись, и выпили, и разговорились, а в Москве потом только кланялись друг другу издали.

Что касается Ушакова и Ожегова, то их не разделяла взаимная антипатия, скорее, наоборот, они тяготели друг к другу, а отчуждены были по той простой причине, что один работал в секторе литеры «У», а другой в секторе литеры «О». Стоит лишний раз вспомнить о противоречиях между двумя этими литерами?

Итак, они обнялись, подумав, расцеловались. Вслед за этим поохотали. Потом поговорили бессвязно...

Затем Ушаков осмотрелся.

– Как здесь тепло, – заметил он, – и цветы... и синяя гора...

– Это Машук, – гордо пояснил Ожегов.

Здесь, по законам реалистического повествования, я должен нарисовать портреты молодых людей, причем такие, чтобы читатель их увидел «как живыми» и смог бы различать, где тот, где другой. Это я и собирался сделать, пока вдруг не столкнулся с неожиданной трудностью.

Дело в том, что Ушаков и Ожегов были совершенно неразличимы. Они были молодым человеком лет двадцати-тридцати в замшевом пиджаке, чуть выше среднего роста, а точнее, сто восемьдесят один, волосы у них были каштановые, пробор левый, нос прямой, характер у них был ровный, но с некоторой склонностью к унынию, мировоззрение у них отсутствовало, но присутствовала серьезная начитанность, короче, они были молодым человеком без особых примет, совсем не двойники, отнюдь нет, на взгляд их можно было легко отличить друг от друга, и их, конечно, отличали все без какого-либо труда, но описать это различие не смог бы даже Иван Сергеевич Тургенев.

– Это тот, который молниями мерцающий? – спросил Ушаков про Машук.

– Он самый, – важничал Ожегов.

– И Михаил Юрьевич, значит... где-то там...

– Да, погиб.

Молодые люди помолчали.

– Рванем туда?

– Немедленно.

Через некоторое время они оказались на месте дуэли, и серый сквозной кустарник, путаница кустарника, и склон невысокой горы, и весенний воздух, который был – о, да, о, да! – по-прежнему «чист и свеж, как поцелуй ребенка», заставили их прекратить легкомысленную трескотню. Они замолчали и отвернулись друг от друга, и Ушаков вдруг отмерил шесть шагов, желая воочию убедиться, что значит это страшное расстояние. Отмерив шесть шагов, он обернулся и увидел, что Ожегов находится от него на расстоянии вдвое больше: Ожегов тоже втайне отмерял и сейчас, стоя вполоборота, испуганно смотрел на Ушакова, тоже полуповоротного к нему. Их разделяли двенадцать (не шесть) шагов. Их, двух московских пустословов. Они смущенно хихикнули, отвлеклись взглядом в небеса, как будто они не отмеряли этих шагов, а разошлись так, случайно, ибо, сами посудите, оказались они друг перед другом в довольно странной позиции.

Где играют патефоны, где улыбки на устах.

Короче говоря, эти двенадцать шагов остались между ними, как секрет, который никогда не выплывает на поверхность.

Они вновь заговорили о дуэли, о том, сидел ли кто-нибудь в кустах и какое настроение было у Лермонтова в то утро, и так далее.

Да-да, вот это интересно – для русского интеллигента тема дуэли Лермонтова – бесконечная и бесконечно волнующая. Как-то раз при мне два писателя чуть не подрались, споря о том, на какой лошади приехал поэт к этому месту. Один, опираясь на свидетельства очевидцев, утверждал, что на вороной, другой с жаром доказывал, что на рыжей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.